УДК 82.085

К.П. СИДОРЕНКО
Российский государственный педагогический университет им. А.И.Герцена, г. Санкт-Петербург

РЕЧЕВАЯ ОШИБКА КАК МОДЕЛИРУЕМОЕ «ОТКЛОНЕНИЕ»

В статье рассматриваются особенности отклонений от речевого стандарта и определение особенностей индивидуальной рецепции студента при изучении дисциплины «русская речевая культура». Студент моделирует в каждом случае феномен «ошибки» и вырабатывает собственную типологию так называемых речевых неправильностей. Выделяются нарушения безвариантные, вариантные, оговорки, окказионализмы, интенциональные ошибки, просторечия, сленг, ложные ошибки. Подобная методика, ориентированная на живую речевую культуру, способствует развитию у студентов чувства языковой ответственности и вкуса, позволяет задуматься над тем, что происходит в языке, дать понимание принципиальной динамичности нормы – ее историчности и стабильности, избежать одностороннего и безапелляционного осуждения речевого факта.

Apportionment of deviations from speech standard and definition of peculiarities of individual student's reception while studying discipline «Russian Speech Culture» are proposed. Student makes a model of mistake phenomenon in each case and works out his own typology of so called speech incorrect facts. Such types of breaches are apportioned: non-variant, variant, slips of the tongue, text words, intentional mistakes, popular speech and slang samples, false mistakes. Such methods, being orientated to live speech culture, promotes development of student's sense of language responsibility and taste, gives an opportunity to think over what is happening in language, to give an understanding of principal dynamic norm – its historicity and stability, to avoid one-sided and peremptory condemnation of speech fact.

В предлагаемых заметках исследуется не состояние современного русского языка на материале речи студентов-нефилологов педагогического университета, изучающих дисциплину «русский язык и культура речи», но анализ параметров восприятия русской речи в тех случаях, когда из нее предлагается извлечь «ошибку», которая нередко понимается студентами как нестандартный материал вообще.

Одним из условий итоговой аттестации по дисциплине «русская речевая культура» является подготовка индивидуальной миникартотеки – фактов речи, вступающих, по интуиции студента, в противоречие с упрощенным понятием «правильно».

В теории русской речевой культуры речевые ошибки обычно понимаются как нарушения различных уровней языковой нормы, отступления от так называемой правильной речи. Состав неправильностей по сути универсален: это словоупотребление, ударение, грамматическая вариантность, композиция (правила построения текста) и другие.

Нормативные предписания традиционно делятся на строго обязательные (императивные) и не строго обязательные (диспозитивные). Но даже такое деление и вообще всякая вариантность при реализации высказывания может вызвать у носителя языка, поставленного в ситуацию речевого педантизма, опасения. Вместе с тем, очевидно, что критерии «ошибочности» весьма условны и индивидуальны, а целенаправленная работа в области рецепции того, что «неправильно», приводит к возможности пересмотреть и принципы оценки.

Собственно подчеркнуто грубых ошибок, контрастных норме литературного языка в языковой ситуации вуза не так уж много (но они есть), а вариантов пограничного характера, балансирующих на грани нормы, – много, что совершенно естественно. Отсюда смысл нашей работы не столько корректирующий, сколько развивающий.

Именно это и является существенной частью в профессиональной подготовке. Кроме того, развивающий характер позволяет качественно поднять собственно уровень коррекции. В результате десяти лет преподавания курса у нас сформировалась «межфакультетская картотека ошибок», насчитывающая примерно пять тысяч фиксаций со стандартной паспортизацией.

Отношение студента к формированию картотеки может быть двояким. Во-первых, это целенаправленная работа, наблюдения за живой русской речью, во-вторых, придумывание «ошибок» или интерпретация имеющихся словарей и пособий по культуре речи. Такой материал нами тоже учитывался как «ошибкотворчество» студента, но в расчет не брался.

Разработка типологии анализируемого материала предполагает отношение к «ошибке» как к моделируемому феномену, выработку критериев социокультурной оценки «неправильности». Однако главной целью представляется то, что можно назвать умением избежать одностороннего упрощенного осуждения вариантности во всей ее полноте.

Предлагается следующая рецептивная типология, рубрики которой выделяются условно и находятся между собой в отношениях взаимообусловленности и пересечения.

1. Нарушения безвариантные, то есть не допускающие «одобрения». В этом случае отклонения без труда определяются в рамках исходного стандарта. Например: ребенок решил дотронУться до котенка (преподаватель психологии); давайте ПОЙДЕМ БЕГОМ (мужчина, 38 лет); ты одет как из ЛондОна (бабушка, 78 лет); сегодня задЫмилась телебашня (сообщение по радио «Балтика»); волосья (соседка); пОльта (бабушка).

2. Нарушения вариантные, «допустимые» (устаревший или устаревающий вариант, профессионализм, дополнительный вариант, не рекомендуемый в словарях и тому подобное). В этом случае возможна даже кодификация нормативной дополнительности. Сравни: правый ТУФЕЛЬ мне жмет (девушка 25 лет, обувной магазин) – эта форма последовательно осуждается в нормативных (специализированных) словарях, но именно таким образом и существует.

3. Оговорки. Это особый тип моделируемой «ошибки», то есть очевидное для говорящего и слушающего отклонение в спонтанной речи. Например: у меня завтра КОЛОКУМ (вместо КОЛЛОКВИУМ) (студент 1 курса); люди стали относиться к нам более уважительно, БОЛЕЕ ЛУЧШЕ (Наше радио, 2003) – из интервью с «человеком из народа»; я хотела ПОТОЧНИТЬ (студентка, 18 лет); до 2005 года пенсионный возраст ГАРАНТИРОВАННО ПОВЫШАТЬСЯ НЕ БУДЕТ («Смена», 2002).

4. Окказионализмы, имеющий нередко интенциональный (целевой, осознанный, прагматически обусловленный) характер. Ср.: красивый ЦВЕТУЁЧЕК (мама); я теперь ПИТЕРВСЯНКА (сестра).

5. Интенциональные (нарочитые) «ошибки» – как аспект языковой игры. Очень ощутимый пласт в нормативной рецепции. Все, о чем выше говорилось, входит в эту группу. Сравни: человек ДОЛЖОН знать многое (мужчина, 35 лет); вот дерЁвня! (мальчик, 13 лет, на улице); у меня замерзли УХИ (ученик, 11 класс); Здесь много окказиональной неологии: [Назв. заметки] УКЛОНИСТЫ [В тексте] Получается так, что администрация постоянно УКЛОНЯЕТСЯ от принципиального разговора по поводу тарифов на коммунальные услуги (Сертолово и окрестности, 2002); А ну, прекратите это ТРОЕСИДЕНИЕ! [то есть сидеть за партой втроем] (Учительница биологии, 45 лет); 17 мая в «Олимпийском» радио «Максимум» ФЕСТИВАЛИЛОСЬ в восьмой раз... В клубах дыма ЗВЕЗДИЛИ отечественные «Токио», «Ночные снайперы»... (Gaudeamus, 2003); Ведет себя ХОЗЯЙЧИКОМ (женщина, 35 лет). Сюда же можно отнести речевую оригинальность, близкую к интециональной ошибке: Я очень хорошо отношусь к группе *Би2*, ОЧЕНЬ ОТЛИЧНАЯ песня (Наше радио, 2003); ЧЕРЕЗ ПАРУ ДНЕЙ ДИПЛОМИРОВАННЫЙ экономист подвел итог: за 4 дня у нас ушло 125 евро на человека (Gaudeamus, 2003); ГРОБОКОПАТЕЛИ – «черные археологи», грабители древних захоронений, сравни:

Лик бога на теле случайно нашли ГРОБОКОПАТЕЛИ (Жизнь, 2003); Ни в коем случае нельзя закон о бюджете превращать в политическое ОРАЛО (АиФ, 2002); Тест на СТУЛЬНОСТЬ (о качестве стульев, в рекламе); Правила ТЕЛОВЫЧИТАНИЯ [о способах похудания] (Будуар, 2002); КРЫСОПОГОЛОВЬЕ в подвалах наших домов (Сертолово и окрестности, 2002).

6. Просторечие (частотная группа характеристик): хлеб утреШНий (продавщица в магазине, 20 лет); он сменил грАжданство (диктор на ОРТ); много КЛЯКСОВ (ТВ, прямой эфир, женщина, 25 лет); подошвА отклеилась (молодой человек, в обувной мастерской); пожарь вАреную картошку (студентка 1 курса). Сюда же относятся дополнительные функциональные (смягченные, нормативно-периферийные) характеристики. Преобладают акцентные варианты: допей МОЁ кофе (молодой человек – девушке, в кафе); в мире одна бюрократИя (студентка 1 курса); тогда провода закорОтит (преподаватель ТСО); расплачиваться дЕньгами (радио «Балтика»); на кухОнном столе (ведущая на РТР). Нередка фиксация фактов профессионального просторечия: Здесь все ОБИЛЕЧЕНЫ? (кондуктор, 50 лет) – выражение не новое, но воспринимается как свежее и оригинальное, будучи услышанным впервые.

7. Сленг. Достаточно четко осознается как функциональный феномен и фиксируется не только в устной речи, но и в прессе. Сравни: СВЕЖАК – название рубрики (Башня, 2001); как одеваются АМЕРИКОСЫ (Gaudeamus, 2003); ВОРДЯЧИТЬ – работать в программе Word; БЫСТРО – БЫРО, БЫРЕНЬКО (Сделай-ка это ПОБЫРЕНЬКОМУ – студентка, 19 лет); ОТКСЕРАЧЬТЕ мне этот листок (из разговора студентов).

8. Ложная ошибка. Допустимый или рекомендуемый вариант может восприниматься как отклонение, так как входит в противоречие с индивидуальной нормой носителя языка. Это типологический предел в рецептивной моделируемости ошибки. Сравни: в этой булоЧНой вкусный хлеб (женщина 30-35 лет); Не хлопайте ДВЕРЯМИ (в комментарии предлагается – ДВЕРЬМИ; вывеска на двери); Они применялись в Иконописи (преподаватель истории; предлагается икОнопись); Газета «Комсомолка-толстушка», ПЯТНИЧНЫЙ ВЫПУСК (зафиксировано из РЕЧИ продавца газет в электропоезде); И жнец, и швец, и на дуде ИГРЕЦ [заголовок] (Сертолово и окрестности, 2003).

Подобная нормативная методика, ориентированная на живую речевую культуру, способствует развитию у студентов подлинно активного отношения к речевой «неправильности», формированию чувства языковой ответственности и вкуса, позволяет задуматься над тем, что происходит в языке, дать понимание принципиальной динамичности нормы – ее историчности и стабильности, избежать одностороннего и безапелляционного одобрения или осуждения речевого факта.